

Театр получился общедоступный, а дом – нет

Особняку МХАТа в Камергерском 100 лет

Екатерина Сальникова

Особняк МХАТа в Камергерском пережил не одну архитектурную и техническую революцию. Но из этого здания так и не выветрился дух Художественного театра начала XX века. Пожалуй, это и есть самое ценное свойство дома, тем более что его бытие удивительно синхронно нашим историческим перипетиям.

Поколение тридцатилетних, пожалуй, последнее отчетливо помнит, что еще недавно, в 70-е – начало 80-х, МХАТ ассоциировался совершенно с другим зданием – с гигантским ящиком на Тверском бульваре. Снаружи он походил на декоративный, но обгоревший фасад тюрьмы, а изнутри – на цивильный и общедоступный аналог Дворца съездов. Тогда казалось, что ремонт старого здания МХАТа будет длиться вечно, как и советский застой. На самом деле страва тихо неслась в эпоху перемен.

Конец глобальной реконструкции МХАТа в 1987 году совпал с апогеем конфликта внутри труппы и разделением труппы на два лагеря – под руководством Олега Ефремова и под руководством Титовой Дорониной. А все это очень логично совпало с началом перестройки.

Общество идеологически раскололось. Раскололся и театр – на Тверском остался «советский» МХАТ имени Горького, а в Камергерский отправился «постсоветский» МХАТ имени Чехова.

Символично и то, что отреставрированный особняк МХАТа, в начале XX века спроектированный Федором Шехтелем, являлся первой ласточкой (вспору состроить – чайкой, но точнее сказать буревестником) перестроенной и постперестроенной мэрии – реанимировать дореволюционные хоры и до упаду реставрировать старинное лицо города.

Кто после долгого перерыва, а кто и впервые увидел хорошо выкрашенный и декоративно отделанный особняк Шехтеля. Снаружи все было чисто, а внутри почти стерильно и поэтому уже непривычно. Приглушенная гамма оливкового и разных оттенков коричневого, обилие деревянных неполированных элементов – до революции 1917 года в таком облике читалось сопротивление мещанскому кафешантану и бархатным штампам дорежиссерского театра. Теперь в этом здании чувствовалось что-то глубоко несоветское. Система Станиславского прочно вошла в жизнь нашего театра. А вот стиль здания МХТ так и не стал национальным стилем театрального здания. Стиль жизни в искусстве Станиславского и Невмировича-Данченко, Шехтеля и Морозова остался уникальным.

Можно, конечно, воскликнуть, что нынешний МХАТ отнюдь не антикварен, а технически весьма современен. Есть у него и вращающаяся сцена (созданная еще при Шехтеле), и гениально устроенные «трюмы», и прочие полезные штуки. Но разве Художественный театр ассоциируется с этим? Главное – душевная жизнь людей на сцене и в зале. Главная – внутренняя энергетика, сливающие с образом и правдоподобие чувствований. Все прочее необходимо, но подсобно.

Самое сложное при походе в МХАТ – душевно охватиться на его уровне, и не во время сильных спектаклей, а во время антрактов. Принято писать об изысканности и сдержанности внутреннего убранства фойе. Эти свойства отражают принцип театра, который отказывается создавать зрителью психологический комфорт, необходимый в индустрии развлечений. Обычный зритель не знает и не думает о том, как велико закулисное пространство МХАТа, ему дай бог освоить фойе. Кажется, что для раз места в фойе даже слишком много. Поскольку в основном это пустые комнаты, кое-где с порт-

ретами на стенах. Если зритель не очень расположен разглядывать портреты, заняться ему ничем, расслабиться тоже нелегко. Строгие деревянные скамьи вместо приветливых пуфиков зывают к чужности поведения. Умеренный свет миниатюрных кубических фонариков – но отнюдь не романтический полумрак – как бы рекомендует соблюдать тишину, но не ждать ниоткуда никаких сюрпризов и фокусов. Интерьер демонстративно направлен против обыденного мышления и отношения к театру как к уже готовому празднику. Попадая сюда, массовый зритель может греть себя лишь сознанием приобщения

перемитнивается с камерно-букой сталинской цитаделью Центрального телеграфа и шоколадно-зеркальной коробкой американского фаст-фуда. Вся архитектурная троица образует бермудский треугольник нынешней Москвы. В нем бесследно исчезают ощущения неадекватного, зарубежного и несовременного. Устаревшее и старинное, стильное и безвкусное – все здесь воспринимается как нечто родное, московское, всегда современное и абсолютно неповторимое. И кажется, что Шехтель создавал особняк в Камергерском только вчера для жизни сегодня.

Из досюда «НГ». История здания нынешнего МХАТа имени

Здание МХАТа идеально сливается с пешеходным ансамблем Камергерского переулка.

Фото Петра Кавалева (НГ-фото)

к престижной традиции. Ради этого можно и помучиться.

Интерьер фойе требует, чтобы зрители сами создавали себе атмосферу и владели своими личными «подтекстами» и «подводными течениями». А к этому расположен не каждый. В воспоминаниях Алисы Колене сохранилось описание эпизода, когда Станиславский вдруг спросил ее, смогла ли бы она уйти в монастырь. Алиса Колене смутилась и ответила, что не знает. А Станиславский сказал, что театр – это тоже монастырь. Вероятно, в каком-то смысле МХТ нес в себе это ощущение монастырского ук-

Чехова уходит в глубь Екатеринбургских времен, когда им владели семейство князя Петра Ивановича Одоевского. После пожара Москвы 1812 года здание пришлось радикально перестраивать. В 1852–1858 годах оно лишилось колонн и портика. Новый владелец особняка Сергей Александрович Римский-Корсаков вынужден был продать его за долги. Тогда дом впервые стал театром, спроектированным Михаилом Чичаговым. Внутренний двор превратился в сцену. В театре стали происходить дебюты. В 1882-м там начинает свою жизнь Русский

Устаревшее и старинное, стильное и безвкусное – все здесь воспринимается как нечто родное, московское

лада. Поэтому и интерьер здания напоминает монастырские стены. Как известно, Станиславский создавал театр-дом. Но не надо думать, что основные параметры этого дома – уют, тепло и всепримитиельно. МХТ – дом для избранных, готовых к неустанным психологическим усилиям для обживания замкнутой пустоты дома.

Именно эта требовательность к человеку сохраняется внутри МХАТа. Фасад же, наоборот, словно существует для всех и каждого, открытый внешнему миру. Он идеально сливается с пешеходным ансамблем Камергерского переулка, его магазинами, кафе и ресторанами – и будто намекает, что главный драматический театр России стал атрибутом респектабельного буржуазного бытия столицы. Он выглядит на Тверскую и как бы

драматический театр Корша. В 1885-м дебютирует Частная русская опера Саввы Мамонтова. В 1902 году здание радикально перестраивается для жизни Московского Художественного театра – по проекту самого Федора Шехтеля, субсидируется предприятие Мамонтовыми. Правый подъезд уценивается горельефом Анны Голубиной «Пловец».

В 1974-м Совет Министров СССР решает провести реконструкцию и реставрацию здания, которую осуществляет Государственный институт по проектированию театрально-зрелищных предприятий «Гипротейтр». Министерства культуры СССР по проекту Всесоюзного объединения «Союзреставрация» Минкультуры СССР. МХАТ в Камергерском открывается после ремонта в 1987 году.